

Основано в 1866 г.
РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

**ЧИТАТЕЛЯМ КНИЖНОЙ СЕРИИ
«РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА»**

Уважаемые друзья!

Считаю исключительно важным, что по инициативе Российского исторического общества продолжается реализация фундаментального издательского проекта «Президентская историческая библиотека». И вслед за «Библиотекой «Победы» в свет выходит новая книжная серия — «Российская историческая проза».

Этот многотомный труд объединил на своих страницах исторические романы и повести выдающихся русских писателей — А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, А. И. Солженицына и В. С. Гроссмана, А. А. Зиновьева и Д. А. Гранина, А. П. Платонова и Ю. Н. Тынянова, других авторов. Созданные на основе архивных документов, научных исследований, свидетельств очевидцев и личных впечатлений — эти талантливые произведения имеют особую, поистине уникальную ценность. Рассказывая о ключевых событиях в жизни страны, о людях, их благородстве и достоинстве, потерях и испытаниях — они позволяют по-иному, через призму художественного восприятия взглянуть на значимые вехи и целые эпохи в истории Отечества. И конечно, каждая строка этих литературных шедевров буквально пронизана искренней любовью к Родине, чувством сопричастности к ее судьбе.

Хочу отметить большой, кропотливый, истинно подвижнический труд ученых, архивистов, музейных и библиотечных работников — всех, кто принимал активное участие в издании «Российской исторической прозы». Уверен, эти замечательные книги будут интересны самому широкому кругу читателей.

В. Путин

РОССИЙСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Книжная серия «Российская историческая проза» в пяти томах (десяти книгах), подготовленная по инициативе и под эгидой Российского исторического общества, выходит в свет в рамках реализации проекта «Президентская историческая библиотека»¹. Художественное освоение исторического прошлого — важное направление развития национальной культуры, основа формирования исторического сознания народа, непереносимое условие становления достоверного знания о прошлом.

Ни для кого не секрет, что жанр исторических произведений всегда пользовался особой популярностью у читателей. Четыре тысячи лет назад жители Древнего Египта читали истории о подвигах их предков, в эпоху Возрождения европейцы зачитывались рыцарскими романами. У русского человека Средневековья самой популярной книгой был многотомный «Пролог», в котором жития святых перемежались историями о событиях давно минувших лет и нравоучительными повествованиями. В близком нам XIX веке среди самых популярных литературных жанров в публичных библиотеках России были исторические романы. Наконец, социологические исследования чтения советского человека фиксировали с завидным постоянством интерес к «исторической литературе» — произведениям

¹Ранее в рамках проекта «Президентская историческая библиотека» издан пятитомник «Победа: 1941—1945» (М.: Эксмо, 2020; издание приурочено к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне).

художественной литературы, в которой события происходили на широком историческом фоне или действовали реальные исторические личности. Да и сегодня современный человек при всем многообразии предложений в своих читательских предпочтениях неизменно обращается к историческому роману, повести, рассказу. Неслучайно сегодня авторы приключенческих произведений облачают своих героев, живущих зачастую в далеком будущем и на других планетах, в плащи и средневековые доспехи и заставляют их сражаться на мечах, пусть и лазерных. .

Что же влечет читателя именно к этому жанру? Какие стороны души затрагивают эти произведения? Что важного они несут читателю, чего не могут дать иные книги, в которых исторические реалии выражены не столь ярко? Попробуем разобраться.

Естественно стремление людей узнать, как жили наши предки. (Как выразился респондент одного из социологических опросов: «Интересно заглянуть в старину-матушку, вглубь. Много здесь познавательного».) Интерес к прошлому, сколько бы мы ни говорили об утрате исторического сознания у современной молодежи, является неотъемлемой частью нашей общей памяти. Прошлое, представленное в ярких образах героев, не только легко воспринимается читающей публикой, но и становится частью исторической памяти народа. Тарас Бульба и Князь Серебряный из одноименных повестей Н. В. Гоголя и А. К. Толстого, Григорий Мелехов из «Тихого Дона» М. А. Шолохова и генерал Серпилин из романа «Живые и мертвые» К. Симонова вышли за рамки литературы и стали полноценными историческими персонажами. Реальные исторические лица, получив талантливо написанную литературную биографию, уже не могут избавиться от нее, как бы ни старались популяризаторы исторических знаний дать им объективную характеристику. Абрам Петрович Ганнибал может иметь достовер-

ную биографию в энциклопедиях и научных публикациях, но для всех, кто читал неоконченную повесть А. С. Пушкина, он будет именно тем «арапом Петра Великого», каким его изобразил наш замечательный писатель.

Историческая память народа — удивительный и очень важный элемент нашего коллективного сознания. В отличие от исторического знания, стремящегося представить прошлое как достоверно выверенную систему фактов, в коллективной памяти народа, по евангельскому выражению, «дух дышит где хочет» — что-то в ней сохраняется в виде ярких картин, что-то исчезает из памяти навсегда или на время. Герои и их противники могут меняться местами, приобретать или утрачивать черты, за которые их ценят или упрекают потомки. Но в этом постоянно меняющемся мире есть, по выражению французского историка Пьера Нора, «места памяти» — символические точки, вокруг которых складывается память народа о том или ином событии и которое своим существованием напоминает обществу о нем. Именно эту важную функцию несут в обществе литературные исторические произведения, в первую очередь те, которые своим талантливым исполнением заслужили популярность читательской аудитории и оставили след в сознании людей.

Произведения, вошедшие в состав томов книжной серии «Российская историческая проза», увидели свет в конце XVIII, в XIX, XX и в начале XXI века. Выбор рубежа XVIII и XIX столетий в качестве начального момента для составления многотомной антологии исторических книг глубоко не случаен. В это время одним из центральных событий книгоиздания, науки, культуры стали один за другим приходившие к читателю тома карамзинской «Истории государства Российского». Официальный историограф империи создал нечто большее, нежели исторический труд государственной важности, нечто более значительное, чем

основанный на источниках научный труд, отражающий достоверную концепцию российского прошлого. Выражаясь современным языком, это был бестселлер, читавшийся и обсуждавшийся всеми почитателями отечественной словесности, вызвавший к жизни целую вереницу подражаний (порою полемических, как «История русского народа Николая Полевого»), а главное — породивший взлет популярности исторической темы в художественной прозе. Многие ведущие писатели прямо указывали на творение Николая Карамзина в качестве главного источника своего вдохновения. Чего стоит только литературная «дискуссия» о личности и времени Бориса Годунова, увенчавшаяся и великой трагедией Пушкина, и авантюрным романом-однодневкой «Димитрий Самозванец» Булгарина, который бульварный беллетрист в результате интриг сумел опубликовать даже раньше пушкинского «Бориса Годунова».

Время расставило по подобающим местам все многочисленные исторические книги начала XIX века. Тем интереснее и важнее было зафиксировать итоги становления исторического сознания в карамзинскую эпоху, проследить основные вехи этого сложного и многомерного процесса на примере произведений очень разных — как сохранивших до наших дней известность и популярность (повести Пушкина, Гоголя, Карамзина), так и, к сожалению, полузабытых (М. Муравьев, Н. Полевой, А. Корнилович и другие).

Многотомная антология исторической прозы, которую держит в руках читатель, составлена по хронологии написания повестей и романов. Каждый период развития исторического жанра представлен произведениями, которые, по мнению составителей, в наибольшей степени соответствуют историческому сознанию соответствующей эпохи.

Тома серии «Российская историческая проза» отражают процесс формирования универсальных «мест памяти», если снова воспользоваться терминологией Пьера Нора. Некото-

рые из включенных в эти тома произведений благодаря таланту автора и непреходящей общественной ценности того исторического события, на фоне которого развивается сюжет произведения, остаются «местами памяти» для многих поколений российских читателей. Исторические произведения Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. К. Толстого, Ю. Н. Тынянова, Ю. В. Трифонова всегда присутствовали на «авансцене» читательского внимания. Произведения других авторов в силу многих причин утрачивали свою популярность и свое влияние, но в определенную эпоху они являли собой такое «место памяти», и сегодня настало время отдать дань их значению в прошлом нашей общественной мысли.

Настало время перечитать эти книги, а точнее — прочесть их впервые, и, возможно, вернуть им место, которого они достойны. А для этого есть все основания. Наше чтение, восприятие текста, какое бы произведение мы ни держали в руках, происходит в контексте сегодняшнего дня, и в этом плане любой сюжет, любая описываемая коллизия для читателя современны. История выступает здесь своеобразной точкой отсчета для понимания того, «кто мы», «каковы мы рядом с нашими предками», «куда мы идем». И сегодня, предлагая обществу произведения, написанные 200, 100, 50 и 20 лет назад, мы не только отдаем дань уважения и памяти замечательным российским писателям, не только напоминаем о богатстве российской исторической прозы, но и предлагаем всем нам ощутить связь времен, обогатить сегодняшнее восприятие мира погружением в наше историческое прошлое.

Михаил Афанасьев, Дмитрий Бак

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая половина XIX века — время становления и первого расцвета русской исторической прозы.

Процесс рождения нового жанра шёл параллельно с поиском формулировок основ национального сознания, с формированием и развитием исторического мышления в литературе и общественной мысли, с культурно-политическим самоопределением России на европейском пространстве. Началось это многосоставное движение значительно раньше — с общего для всей Европы интереса к истории как интеллектуальной и культурной проблеме. В России этот интерес, конечно, выражался иначе, чем в культуре позднего Просвещения... Однако не будет лишним вспомнить, что уже «Владимир» (1705) Феофана Прокоповича — один из первых опытов «новой», европеизированной литературы петровской эпохи — был «историческим» произведением (хоть и в форме драмы). С него начинается длинный — на всё XVIII столетие — ряд «исторических» сочинений самых разных форм и жанров... В исторических повестях Н. М. Карамзина этот творческий интерес нашёл, наконец, своё первое классическое воплощение.

В России интерес литераторов к истории был обусловлен не только влиянием европейского Просвещения и предромантизма, но и спецификой того, пути, который прошла страна в XVIII веке. Реформы Петра, стимулировавшие развитие империи, в то же время породили культурный раскол внутри народа. Когда Карамзин во вступлении к повести «Наталья, боярская дочь» (1792) пишет о «преимуществе», которое он отдаёт «подкапкам и шубейкам»

старинного русского дворянства перед «всеми галло-албионскими нарядами», это не просто изящная словесная виньетка, а констатация не только хронологического, но и культурного, духовного разрыва между потомками и предками. Этим определяется и элегически-грустная интонация финальной картины замшелого надгробного камня супругов Любославских, «разломленного рукою времени»...

Через десять лет в повести «Марфа-Посадница» (1802), Карамзин уже выстраивает иную систему связей между историей и современностью. Трудно не увидеть в этом тексте прозрачную параллель к спорам о самодержавии и республиканских идеалах, стимулированным в Европе (и в России в том числе) Французской революцией. Безусловная симпатия автора к героине не мешает ему признать закономерность её исторической неудачи и даже более того — признать за властью московского князя не только преимущество силы, но и историческую пользу. В «Марфе-Посаднице», по сути, впервые в русской литературе полулегендарный сюжет из русской истории обретает черты национальной трагедии — неразрешимой, но назидательной для потомства. Во многом близкая нравственная коллизия лежит в основе и повести К. Н. Батюшкова «Предслава и Добрыня» (изд. 1832), в сентименталистском духе трактующей традиционный конфликт невинной любви и безжалостной исторической необходимости. Влияние этой традиции можно проследить вплоть до «Тараса Бульбы», с его конфликтом семейного, личного и национального долга.

Однако карамзинская традиция не блокировала все другие варианты развития жанра. Именно поэтому в настоящем издании мы помещаем повести М. Н. Муравьёва «Оскольд» (1810), «Рогнеда, или Разорение Полоцка» (1804) Н. С. Арцыбашева, «Лукьян Степанович Стрешнев» (1813)